

III . . .

,

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3445>]

[:] . . 2012: III . . . , // , . . , (. .), . . (. .). ., 156-163. XVII

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

РИМСКИЕ КВЕСТОРЫ III в. до н. э.: ПЕРСОНЫ, ФУНКЦИИ, КАРЬЕРА

В. В. Дементьева

(Ярославль, Ярославский государственный университет имени
П. Г. Демидова, Центр антиковедения)

При реконструкции публично-правовых механизмов римской политической организации нередко приходится оперировать обезличенной информацией источников (такой, в которой не упомянуты имена носителей властных полномочий) — сведениями юридических памятников, политико-философскими размышлениями античных авторов, их публицистическими, историческими или моралистическими обобщениями. Конкретные люди — как персоны, причастные к власти — возникают в античной традиции обычно в некотором должностном статусе или некотором должностном действии, выполнении каких-либо полномочий. Обобщая эти сведения, мы воссоздаем, в частности, функции магистратов и изменение сфер приложения их компетенции, расширение или сужение их должностных обязанностей. Но информация источников, дающая нам имена людей, при изучении римской республиканской системы ценна не только в этом отношении, но и в том, что она позволяет, хотя бы пунктирно, проследить траектории персонального движения, которые отражают степень упорядоченности вертикальных и горизонтальных перемещений людей, а значит, и всей этой системы в целом. Сказанным определяется наше желание попытаться ответить на вопросы о том, чем занимались в роли квесторов известные нам для III века до н. э. по именам магистраты и какова была их служебная карьера. Иначе говоря, мы попытаемся осмыслить, что дает в целом для изучения квестуры этого времени (и, может быть, не только ее) «обработка персональных данных» магистратов.

Сведения источников о конкретных людях, занимавших магистратуру квестора на изучаемом хронологическом отрезке, содержат не так много информации о непосредственных видах их должностных дел (см.: Sobeck, 1909, S. 5—10; Broughton, 1951, p. 180, 222, 227, 233, 239, 244, 249, 260, 268, 286, 299, 307, 316, 324). Проанализируем их подробно. Для 294 г. до н. э. нам известен по имени квестор Л. Опимий Панса (L. Opimius Pansa) — мы осведомлены, что он был в римском военном лагере во время войны с самнитами, где и был убит (Liv. X.32.9). Для 30-х гг. III в. до н. э. имеется информация элогия Кв. Фабия Максима (Q. Fabius Maximus) о том, что он два раза был квестором (CIL. I. 288: Q. f. Maximus dictator bis cos. V ce(n)sor interrex II aed. cur. q. II tr. mil. II pontifex augur primo consulatu Ligures subegit...). Ф. Зобек относил квестуры Кв. Фабия ко времени «перед 235 г.» (Sobeck, 1909, S. 5—6), Т. Р. Броутон — предположительно к 237 г. и к 236 г. до н. э. (Broughton, 1951, p. 222). Однако мы ничего не знаем о непосредственной деятельности Квинта Фабия на этом посту. Примерно к 230 г. до н. э. относит Т. Р. Броутон квесторские полномочия Октавия Руфа (C. Octavius Rufus у Светония — Suet. Aug. 2. 1—2), для которого названа в источнике лишь должность. С 222 или 221 годом до н. э. следует связать квестуру Гая Теренция Варрона (C. Terentius Varro), упоминаемого Ливием (Liv. XXII. 25.18; 26.3) без указаний на его функции в рамках этой

магистратуры. Два квестора 218 г. до н. э., Гай Фульвий (С. Fulvius Centumalus) и Луций Лукреций (L. Lucretius) были захвачены лигурийцами и выданы Ганнибалу (Liv. XXI. 59. 10); самое вероятное предположение об их должностных обязанностях то, что они находились в римской армии, сопровождая магистратов с империем. Для следующего, 217 г. до н. э., среди погибших римлян, высадившихся с военного корабля на африканском побережье и попавших в засаду (Liv. XXII. 31. 3—5), назван квестор Тиберий Семпроний Блез (Ti. Sempronius Blaesus), выполнявший, видимо, также военно-казначейские функции в войске. Поскольку он плыл с флотом консула Гнея Сервилия вокруг Сардинии и Корсики с высадками на берег, то выглядит логичным предположение, что Семпроний Блез был сардинским квестором. В числе убитых в ходе военных действий (события при Каннах) названы два квестора 216 г. до н. э. Луций Атилий (L. Atilius) и Луций Фурий Бибакул (L. Furius Bibaculus) — Liv. XXII. 49. 16. Территория, на которой происходили события, находилась в Апулии, что не исключает возможности отнести этих квесторов к числу занятых в этом регионе попечением о коммуникациях (хотя, разумеется, они могли прибыть сюда как городские квесторы, направленные к консулам на театр военных действий). После поражения при Каннах, в 214 г. до н. э., был привлечен к суду за действия, повредившие государству (включая стремление покинуть Италию, заговор в Канузии — Liv. XXII. 53. 4—11), квестор Цецилий Метелл (Caecilius Metellus), названный то Марком, то Луцием у Тита Ливия и Марком (а, возможно, он же Квинтом) у Валерия Максима (Liv. XXIV. 18. 3; Val. Max. II. 9. 7—8; V.6.7), ведавший опустевшей казной. В 212 г. до н. э. мы видим у Ливия квестора Гнея Корнелия, обычно отождествляемого с консулом 201 г. до н. э. Гн. Корнелием Лентулом (Сп. Cornelius Lentulus) в роли командира войска в сражении у Капуи против конницы неприятеля (Liv. XXV. 19. 4). Ему пришлось командовать войском после гибели консула Семпрония Гракха (Liv. XXV. 17. 7). В 209 г. до н. э. квестор Гай Фламиний (С. Flaminius) в Новом Карфагене (Испания) принимал и пересчитывал добычу, взятую Корнелием Сципионом (Liv. XXVI. 47. 7—8; Polyb. X.19.1). К 206 г. до н. э. следует, вероятно, отнести квестуру Гнея Тремеллия Флакка (Сп. Tremellius Flaccus) и Марка Валерия Фальтона (M. Valerius Falto), которые названы у Ливия квесториями как члены посольства к Аталлу в 205 г. до н. э. (Liv. XXIX. 11.3), о их конкретных действиях в должности квесторов ничего не известно. Для 204 г. до н. э. хорошо известен сам факт квестуры Марка Порция Катона (M. Porcius Cato), который был направлен к консулу Публию Сципиону в Африку в период военной кампании этого года (Cic. De sen. 10, 32, 45; Cic. Brut. 60; Nep. Cato. 1). О действиях Катона в ходе этой операции сообщает Ливий, называя квестора Катона в роли командующего военными кораблями вместе с префектом флота Гаем Лелием (Liv. XXIX.25.10), хотя не все историки доверяют этому сообщению (см. об этом: Бобровникова, 1998, с. 352). Гай Лелий (С. Lelius) стал в 202 г. до н. э. квестором по желанию Сципиона, уже проконсула, получив в качестве своей сферы деятельности обязанности квестора в Африке (Liv. XXX. 33.2). Наконец, в 200 г. до н. э. не исключено избрание в квестуру Сципиона Назики (P. Cornelius Scipio Nasica), о возможности чего есть намек у Ливия (Liv. XXIX. 14. 8) и замечание Валерия Максима (Val. Max. VIII.15. 3), но нет сведений о собственно его деятельности в таковом качестве.

Итак, для III века до н. э. у нас имеется 17 имен квесторов, — не слишком, конечно, много для целого столетия. Такое малое их количество следует объяснить не только состоянием источниковой базы: по сравнению с именами известных нам консулов диспропорция более чем ощутима. Это заставляет считать, что дистанция между низшими и высшими магистратами была огромного размера не только в плане объема полномочий, но и в восприятии их роли в истории Республики, т. е. в исторической памяти римлян.

Проанализируем приведенную информацию в ракурсе уточнения весторских функций.

Из нее следует, что с конца III в. до н. э. квесторы направляются в Африку и Испанию в связи с военными действиями на этих территориях, которые уже вели полководцы не только в статусе консулов, но и проконсулов. При этом в Африке у квестора определено была провинция как сфера деятельности, поскольку получать ее можно было и по жребью, и без жеребьевки: «*Laelium, cuius ante legati, eo anno quaestoris extra sortem ex senatus consulto...*» (Liv. XXX. 33.2). Следовательно, мы должны заключить, что эти функции давались отдельно от функций городского квестора (они были совмещены тогда, когда военные действия велись в пределах Италии), так как включались самостоятельно в процедуру распределения квесторских провинций. Вероятно, что отдельной «квесторской провинцией» было и осуществление компетенции в рамках данной магистратуры в Испании, учитывая длительный, многолетний характер военных действий там. Во всяком случае, в годы военных действий квестор там нужен был постоянно.

Эта информация дает также возможность косвенно подкрепить утверждение о наличии отдельной квесторской провинции в Сардинии с Корсикой в III в. до н. э., а также не противоречит признанию отдельных квесторских провинций на юге Италии (в частности, в Апулии).

Данные сведения позволяют утверждать, что, в соответствии с повествованием античной традиции, квесторы в III в. до н. э. начинают выступать в роли военных командиров, видимо, обычно не главнокомандующих, — командуя лишь небольшими подразделениями. Вероятно, для этого им не требовался империй, и они не получали его каким-либо образом, — достаточно было их магистратской *potestas*. В качестве командующего квесторы в это время выступают только вынужденно, после гибели консула-полководца.

А что дает перечень этих имен для понимания роли квестуры как первой ступеньки почетного должностного пути римских политиков?

Попытаемся проанализировать то, что мы знаем о дальнейшей карьере тех из них, кто не завершил свою жизнь, исполняя квесторские обязанности. Тех же, кто скончался в период квестуры, в нашем списке мы обнаруживаем 6 человек, т. е. около его трети. Остается, следовательно, 11 человек. Не зависимо от того, репрезентативна ли наша случайная выборка, мы, видимо, можем считать, что гибель квесторов на театре военных действий не была в рассматриваемое время редким исключением.

Кв. Фабий Максим Кунктатор не нуждается в представлении своей биографии, его диктатура 217 г. до н. э. (о вручении ему диктаторских полномочий см.: Дементьева, 1996, с. 65—66) и пять консулатов — 233, 228, 215

(консул-суффект), 214, 209 гг. до н. э. — широко известны, как и вся его выдающаяся карьера. Но для нашего ракурса изучения интерес представляет то, что квестором он был дважды — исключительно редкий, фактически единственный известный случай. Возникает вопрос: в какой очередности он занимал магистратуры в начале своего *cursus honorum*? В 235 г. до н. э. (или незадолго перед тем) он был курульным эдилом, в 233 г. до н. э. уже получил свой первый консулат, а полномочиями претора никогда не наделялся. При такой «плотности» цепочки должностей вторая квестура, скорее всего, как и первая, должна быть хронологически отнесена ко времени до 235 г. до н. э., до его эдилитета, а не «обрамлять» эдилитет с двух сторон. Вероятно, квестуры Квинта Фабия относятся не позднее чем к 237 и 236 гг. до н. э. Блистательная карьера (видимо, с пропуском претуры) началась с квесторской должности.

Октавий Руф, которого Светоний назвал Гаем (С. Octavius Rufus), по мнению исследователей, носил личное имя Гней (Сn. Octavius Rufus), — Рассел М. Гир обосновал, что Светоний пропустил одно поколение предков Августа (Geer, 1934. p. 337—339), соответственно, его предок-квестор носил имя Гней, что было воспринято Т. Р. Броутоном (Broughton, 1951, p. 227). Квесторские полномочия Октавия Руфа датируются около 230 г. до н. э.; он был отцом претора 205 г. до н. э. и дедом консула 165 г. до н. э. Но сам дальше квестуры не продвинулся по почетному должностному пути, иначе был бы упомянут у Светония, излагавшего родословную Августа, не только в роли квестора. Нельзя исключить и того, что он погиб при исполнении квесторских обязанностей: никакими сведениями о его дальнейшей судьбе мы не располагаем.

Дошел до консулата, последовательно проходя должностные ступени, Гай Теренций Варрон, занимавший квестуру в 222 или 221 гг. до н. э., скорее в первом из названных лет. Тогда к 221 г. следует отнести его плебейский эдилитет, к 220 г. до н. э. — курульный эдилитет, к 218 г. — претуру, а к 216 г. до н. э. — консулат (Каретникова, 2011, с. 220).

Цецилий Метелл, квестор 214 г. до н. э., упоминается в источниках под разными личными именами (Марк, Луций, а, можно заподозрить, что его же Валерий Максим называет и Квинт). Чаще Ливий называет его Марком, но тот же человек фигурирует у него и как Луций: *nobiles iuvenes quosdam, quorum principem L. Caecilium Metellum* (Liv. XXII.53.5). В русском переводе М. Е. Сергеевко передача его имени и в этом фрагменте унифицирована как «Марк», но это не отменяет того факта, что в дошедшем до нас тексте Ливия *praenomen* квестора Цецилия Метелла дан вариативно. Исследователи склонялись к имени «Луций». Луцием он назван у Ф. Зобека (Sobesk, 1909, S. 7), который считал, что Луций Метелл был братом Квинта Метелла, консула 206 г. до н. э., и также братом Марка, претора 206 г. до н. э. (Ливий называет их, см., например: Liv. XXVIII. 10.3 — Квинт Цецилий консул, ранее бывший начальником конницы; XXIX. 11.3 — Марк Цецилий Метелл, преторий). Луцием, но уже под вопросом, квестор Цецилий Метелл назван у Т. Р. Броутона (Broughton, 1951, p. 260). Историки считают Квинта Метелла сыном хорошо известного Луция Цецилия Метелла, консула 251 и 247 гг., диктатора 224 г. до н. э., великого понтифика 243—221 гг. до н. э. О предполагаемом Луции-квесторе, его сыне (брате Квинта и Марка) ничего более не известно. Складывается впечатление, что квестор 214 г. до н. э. все же носил — самое вероятное — личное имя «Марк», и М. Е. Сергеевко не зря,

проанализировав, видимо, имеющуюся о нем информацию и частоту употреблений того и другого личного имени применительно, как это совершенно ясно, к одному и тому же лицу, остановилась на том, что изменила в переводе имя «Луций» на «Марк». Если принять такой ход размышлений, то нужно считать, что карьера квестора 214 г. не ограничилась первой ступенькой основной служебной лестницы. Тем более она ею не ограничилась, если допустить, что таковую занимал сам Квинт Цецилий Метелл, ставший в 209 г. до н. э. плебейским эдилом, в 208 г. до н. э. курульным эдилом, в 206 г. до н. э. консулом, а в 205 г. до н. э. — диктатором (см. о нем: Morgan, 1991, p. 359—370). Но этот вариант менее вероятен и основывается лишь на изложении событий Валерием Максимом (V.6.7: *Non est extinctus pro re publica superior Scipio Africanus, sed admirabili uirtute ne res publica extingueretur prouidit: siquidem cum afflictis Cannensi clade urbs nostra nihil aliud quam praeda uictoris esse [Hannibalis] uideretur, ideoque reliquiae prostrati exercitus deserendae Italiae auctore Q. Metello consilium agitent, tribunus militum admodum iuuenis stricto gladio mortem unicuique minando iurare omnes nunquam se relicturos patriam coegit pietatemque non solum ipse plenissimam exhibuit, sed etiam ex pectoribus aliorum abeuntem reuocauit*). Однако совсем его исключить нельзя. О магистратской деятельности до 209 г. до н. э. Квинта Цецилия Метелла нам из других источников не известно, но мы знаем, что в 216 г. до н. э. он уже был членом коллегии понтификов (Liv. XXIII. 21.7), т. е. уже активно был вовлечен в публичную деятельность. Какой бы из двух последних вариантов ни предпочесть, отвергая имя «Луций» как гипотетического брата Квинта и Марка Цецилиев Метеллов, следует считать квестуру Цецилия Метелла в 214 г. до н. э. отнюдь не единственным достижением в его карьере.

Гн. Корнелий Лентул, квестор 212 г. до н. э., очевидным образом, после этого года не остановился в своем должностном восхождении. В 205 г. до н. э. он получил курульный эдилитет, в 201 г. до н. э. добился консулата (Каретникова, 2011, с. 222), вероятно, в промежутке между этими двумя магистратурами был и претором.

Все ступени должностной карьеры прошел квестор 210 или 209 г. до н. э. Гай Фламиний (курульный эдил в 196 г. до н. э., претор в 193 г. до н. э., консул в 187 г. до н. э.), сын погибшего при Тразименском озере полководца (Liv. XXXIV. 54.2, 55.6 и др.). Все его магистратуры были отмечены памятными римским гражданам событиями.

Гней Тремеллий Флакк и Марк Валерий Фальтон, квесторы 206 г. до н. э., не пропали с политической сцены Римской республики после исполнения обязанностей в этой магистратуре. Оба были эдилами в 203 г. до н. э. Гней Тремеллий был претором в 202 г. до н. э. (Liv. XXX.26.11), Марк Валерий стал им в 201 г. до н. э. (Liv. XXX.40. 5). Претура — высшая магистратура с империем, показатель успешной карьеры.

Биография Марка Порция Катона, оставившего яркий след не только в римской политике, но и в римской культуре, хорошо известна (см., например: Трухина, 1986, с. 96—115), и квестура 204 г. до н. э. в ней на фоне плебейского эдилитета 199 г. до н. э., претуры 198 г. до н. э. и консулата 195 г. до н. э. не выглядит примечательной, но она лежала в основании его карьерной лестницы. Современник Катона Гай Лелий, квестор 202 г. до н. э., шел с ним «в ногу» по должностному пути на двухгодичном от него удалении (плебейский эдил 197 г.

до н. э., претор в 196 г. до н. э.), отстав только перед последней ступенькой, консульской должностью, которую одолел не через три года после претуры, а через 6 лет, в 190 г. до н. э. Предшественник Лелия в консулате, консул 191 г. до н. э. Публий Сципион Назика с немалой вероятностью занимал квесторскую должность в 200 г. до н. э., а затем, до своей победы на консульских выборах и неудач в избирательных кампаниях цензоров 189 и 195 гг., был в 197 г. курульным эдиллом, а в 194 г. — претором. Отмеченные неудачи не умаляют успешность его карьеры, ибо вершина полномочия, должность высшего магистрата с империем, в его послужной список была занесена.

Итак, все 10 квесторов III в. до н. э., точно не погибших при выполнении обязанностей по данной магистратуре, известные нам по именам (включая, как нам представляется, и Цецилия Метелла), весьма далеко продвинулись по почетному должностному пути, став, как минимум, преторами. Одиннадцатый (второй по хронологии) из нашего списка — предок Августа, скорее Гней, чем Гай, не поднялся, по всей видимости, на следующую после квестуры ступеньку (не исключено, что погиб, находясь в квесторской должности).

Разумеется, следует полагать, что все 10 квесторов с дальнейшим продвижением по почетному должностному пути известны нам благодаря последующей успешной карьере, и выборка римского историописания (и римской исторической памяти в целом) не случайна, а вполне закономерна. Те же квесторы, которые не смогли затем занять более высокую должность, в анналах римской истории затерялись. Представляется все же крайне мало вероятным, что из всех квесторов III в. до н. э. (а число их во второй половине этого века возросло, достигнув к его концу, по нашим подсчетам, не менее 14 каждый год избиравшихся магистратов, — см.: Дементьева, 2011, с. 68), только десяток лиц смогли построить успешную публичную карьеру. Наверное, перешедших на более высокие ступеньки было все же много больше. Но, тем не менее, имеющаяся выборка, сделанная историей, наводит на некоторые предположения о начальном этапе почетного должностного пути рассматриваемого времени, — ведь каждый высший магистрат должен был начинать (в норме) свое восхождение с низов почетной лестницы. Хотя Х. Бек выражает скептицизм по поводу возможности по имеющимся источникам дифференцировать для III в. до н. э. низшие *honores*, квестуру и эдилитет (Beck, 2005, S. 62), все же кое-что в этом отношении можно попытаться сделать.

Квестура из двух низших магистратур была сопряжена с большим риском для жизни, чем эдилитет, так как в III веке городские квесторы сопровождали полководца в ходе военных действий в Италии, а ряд новых квесторских должностных мест были созданы для обеспечения финансово-хозяйственных функций на театрах военных действий за ее пределами; более того, мы уже видим квесторов и в качестве военных командиров воинских подразделений. К тому же, эдилитет приносил популярность среди римских граждан вследствие ряда функций, выполнение которых, особенно устройство общественных игр, делало имя человеку (см.: Телин, 2011, с. 120—121). Этими двумя обстоятельствами объясняется то, что должность эдила была более привлекательной, и начинающие политики, взяв старт в вигинтисексвирате (или непосредственно начав *cursus honorum* не в «младших», а в «старших» низших магистратурах) стремились миновать квестуру, сразу добившись эдилитета. В III в. до н. э. последователь-

ность выдвижения в магистратуры строго не регламентировалась (см.: Каретникова, 2011, с. 93). Это позволяло тем людям, у кого были средства для занятия затратной эдильской должности, участвовать в выборах сразу на нее. Соискание же низших магистратур при голосовании за кандидатов в трибутных комициях было не слишком затратным делом, во всяком случае, менее затратным, чем высших — при голосовании в центуриатных комициях; на этой стадии соискатели квестуры и эдилитета были в равных условиях. Как отмечает М. Ригер, кандидаты в низшие магистратуры в силу связей «соседства» могли вести целенаправленную предвыборную кампанию с небольшими расходами, без существенных издержек на агитационные поездки (Rieger, 2007, S. 461). В электоральных трибутных комициях (в силу их территориального характера) велико было значение этого фактора «соседства». К этому можно добавить и связь *tribus* и *gentes* (Smith, 2006, p. 236—250), которая могла способствовать избирательной кампании кандидата в трибах и сократить бремя расходов на нее. Но при равенстве расходов на избирательную кампанию квесторы и эдилы после занятия должностей несли совсем разные траты собственных средств на общественные нужды.

Столь малое количество примеров успешного продолжения карьеры лицами, занимавшими квесторскую должность, свидетельствует, вероятно, не только о том, что многие рисковали погибнуть (и гибли в реальности), ее заняв, но и о том, что масштаб устремлений избежать ее со стороны честолюбивых молодых публичных деятелей Рима, нацеленных на вершины государственного Олимпа, был весьма и весьма значительным. Для части же квесторов, не имевших средств для эдилитета, квестура, судя по всему, оказывалась в это время типичным путем карьеры. Неспроста, видимо, и количество дошедших до нас имен эдилов III в. до н. э. заметно превышает таковое квесторов. Это может объясняться тем, что стремившиеся начать карьеру с эдилитета ее более успешно и делали в дальнейшем (учитывая принцип, что больше имен сохраняется от тех, кто дошел до ее вершин). И количество известных нам консулов этого столетия, имевших в предшествовавшей карьере эдилитет и, судя по всему, не имевших квестуры, раза в четыре превышает известное нам количество тех, кто занимал в начале своего политического поприща квесторскую должность. Но для прояснения, насколько это, конечно, вообще возможно, картины смутно возникшего перед нами в источниковом «тумане» явления — выстраивания честолюбивыми римлянами в III в. до н. э. карьеры, минуя квестуру — необходимо проанализировать и имеющиеся сведения о должностном пути упомянутых в источниках эдилов. Для начала же нужно будет рассмотреть персоналии, «претендующие» на то, чтобы считаться занимавшими должность в плебейском и/или курульном эдилитете (как это мы в данном случае сделали для квесторов), так как ряд из них — аналогично, как и в ситуации с квесторами — соотносятся с должностью эдилов под вопросом. Это — задачи дальнейших исследований в намеченном русле.

Бобровникова Т. А. (1998) Сципион Африканский. М.

Дементьева В. В. (2011) Римская квестура в III в. до н. э.: увеличение числа магистратов и их новые функции // ВДИ. № 3.

Дементьева В. В. (1996) Магистратура диктатора в ранней Римской Республике (V—III вв. до н. э.). Ярославль.

- Каретникова В. А. (2011) Соискание должностей в Римской республике III—I вв. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль.
- Телин А. Е. (2011) Эдилитет и вигинтисексвират в Римской республике и раннем Принципате: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль.
- Трухина Н. Н. (1986) Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М.
- Beck H. (2005) Karriere und Hierarchie. Die Römische Aristokratie und die Anfänge des *cursus honorum* in der mittleren Republik. Berlin. (Klio. Beiträge zur Alte Geschichte. Beihefte. Neue Folge; Bd. 10).
- Broughton T. R. S., Patterson M. L. (1951) The magistrates of the Roman republic. London. Vol. 1.
- Geer R. M. (1934) Suetonius, Augustus II.2 // *AJPh*. Vol. 55, N 4.
- Morgan M. G. (1991) Q. Metellus (*Cos. 206*), *dictatorii* in the pre-Sullan senate and the end of the dictatorship // *Athenaeum. Studi di Letteratura e Storia dell'Antichità*. Bd. 69.
- Rieger M. (2007) Tribus und Stadt. Die Entstehung der römischen Wahlbezirke im urbanem und meditteranen Kontext (ca. 750—450 v. Chr.). Göttingen.
- Smith C. J. (2006) The Roman Clan. The gens from ancient ideology to modern anthropology. Cambridge.
- Sobeck F. (1909) Die Quästoren der Römischen Republik: Inaugural-Dissertation. Trebnitz.